

Научная статья

УДК 343.9

EDN VLOOVX

DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(5).566-579



УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МИГРАЦИОННОЙ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

И.О. Кравченко, С.А. Корягина*Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация*

Информация о статье

Дата поступления

2 сентября 2022 г.

Дата принятия в печать

7 ноября 2022 г.

Дата онлайн-размещения

28 ноября 2022 г.

Ключевые слова

Уголовная политика; миграционная безопасность; экологическая безопасность; экологическая преступность; национальная безопасность

Аннотация. Предложен вариант исследования уголовной политики в сфере обеспечения национальной безопасности, построенный на основе учета современных тенденций при использовании классического подхода. В базовой части работы проводится анализ научных разработок по установлению соотношения применяемых понятий. Проведена оценка законодательных инициатив по формированию легального представления о ядре национальной безопасности. Даны некоторые выкладки, касающиеся сравнительной характеристики законодательных подходов к определению центральных понятий, составляющих предмет исследования, заложенных в действующей и предыдущей Стратегии национальной безопасности. Сделан вывод о наличии концептуальных противоречий в официальной и научной позициях по определению сущности основания уголовной политики в части обеспечения национальной безопасности. Выделены два системообразующих структурных элемента уголовной политики в данной сфере — обеспечение миграционной и экологической безопасности. Представлены современные тенденции состояния, структуры и динамики преступности иностранных граждан и экологической преступности за период с 2015 по 2021 г. Установлена общность проблем в использовании официальных методик учета выявленных фактов нарушения уголовного законодательства в сфере обеспечения миграционной и экологической безопасности, при которых существенная часть преступлений остается незарегистрированной. На фоне общей тенденции к снижению показателей регистрируемой экологической и миграционной преступности отмечены высокие показатели латентности таких преступлений и наличие коррупционной составляющей как значимые факторы в характеристике исследуемых феноменов, определяющие их содержание. Сделан вывод о необходимости и неизбежности использования совокупности официальных методик учета преступлений и научных подходов к изучению указанных видов преступности для составления реальной картины. При этом отмечаются и недостатки такого варианта в виде прежде всего субъективизма и отсутствия единообразия. Отмечена зависимость экологической преступности от преступности иностранных граждан и их непосредственная связь в определенной части, которую необходимо исследовать именно в совокупности как неразрывные элементы единого процесса обеспечения национальной безопасности и минимизации современных вызовов и угроз. Предлагается к обсуждению вариант изучения указанных феноменов во взаимосвязи наряду с классическим акцентом на их самостоятельность.

Original article

CRIMINAL POLICY IN THE SPHERE OF ENSURING MIGRATION AND ENVIRONMENTAL SECURITY: FORMULATION OF THE PROBLEM

Irina O. Kravchenko, Svetlana A. Koryagina*Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation*

Article info

Received

2022 September 2

Accepted

2022 November 7

Available online

2022 November 28

Abstract. The authors propose an approach to researching criminal policy in the sphere of ensuring national security based on taking into account modern trends within the classical approach. The main part of the work contains an analysis of research aimed at establishing the correlation between the used concepts. The authors have analyzed legislative initiatives aimed at forming a legal understanding of the core of national security. They present some material regarding the comparative characteristics of legislative approaches to determining the basic concepts constituting the object of the study, which were included in the current and the previous Strategies

Keywords

Criminal policy; migration security;
environmental security; environmental
crime; national security

of National Security. It is concluded that there are conceptual contradictions in the official and the scientific positions on determining the essence of the foundations of criminal policy of ensuring national security. Two system-forming structural elements of criminal policy in this sphere are singled out — provision of migration and environmental security. Contemporary trends in the condition, structure and dynamics of crimes committed by foreign citizens and environmental crimes are presented for the period of 2015–2021. It is established that the official methodologies of registering the identified facts of violating criminal legislation in the spheres of ensuring migration and environmental security suffer from common problems because a considerable share of crimes remains unregistered. While there is a general trend for declining rates of registered environmental and migration crimes, the authors stress that high levels of latency and the corruption component are significant features of analyzed phenomena which determine their contents. They conclude that, in order to obtain a realistic picture of the situation, it is necessary and inevitable that a combination of official crime registration methodologies and research approaches should be used to study the abovementioned types of crimes. At the same time, the drawbacks of this approach are also pointed out, primarily, its subjective character and absence of consistency. The authors note the dependence of environmental crimes on migrant crimes and their immediate connection in a certain sphere as they need to be studied together as inseparable elements of a single process of ensuring national security and minimizing modern challenges and threats. The authors also present a way of researching the discussed phenomena in their interrelation alongside a classic approach which emphasizes their independence.

Введение

В настоящее время уголовная политика как самостоятельное научное направление приобретает все более уверенное звучание. Действительно, стихает научный спор о роли и статусе уголовной политики, все больше ученых приходят к выводу о необходимости признания ее самостоятельности и целостности. Двухвековой период становления учения об уголовной политике ознаменован яркой, красивой научной дискуссией о ее сущности, предлагает множество научных концепций и сопряжен с огромным количеством подходов к ее пониманию. Но «терминологическая свобода» не всегда является благом, а в некотором смысле может оказывать даже отрицательное воздействие [1] на развитие теории и ее практическое воплощение. В этом смысле блестящей кульминацией данной истории можно считать следующее определение уголовной политики: это «концентрированная, социально обусловленная, концептуальная реакция государства на существующую совокупность криминальных угроз» [2, с. 9]. Однако легальное определение данного понятия до настоящего времени так и не сформулировано [3, с. 256].

Необходимо отметить, что изучение российской уголовной политики за рубежом строится по хорошо отработанной там схеме прикладных исследований с акцентом на отдельные аспекты [4; 5] при отсутствии комплексности, что в корне отличает отечественный подход, основанный прежде всего на фундаментальности. При этом

удивительно, что на протяжении длительного времени отечественные концептуальные разработки в сфере реализации уголовной политики и обеспечения безопасности проводились в параллельном режиме, как независимые друг от друга идеи. Прорывом в развитии доктринального понимания указанных понятий является вывод о том, что уголовная политика строится на «ключевой, сквозной и несменяемой» стратегии обеспечения безопасности [6].

Подробное исследование основ национальной безопасности было проведено профессором С.С. Босхоловым. Им сделан вывод о необходимости понимания сущности безопасности в узком и широком смысле. Принципиально важно, что в широком смысле под безопасностью понимается национальная безопасность Российской Федерации как безопасность многонационального народа — носителя суверенитета и единственного источника власти в России [7, с. 12]. В узком и широком смысле предлагается рассматривать и национальную безопасность. И если в узком смысле национальная безопасность сводится к состоянию защищенности отдельно взятой нации от внешних и внутренних угроз, то в широком смысле включает в себя наряду с интересами нации обеспечение защищенности личности, общества, государства [там же, с. 30]. Поэтому совершенно справедливо автор выделяет в качестве ядра в понимании сущности национальной безопасности такие понятия, как «нация», «государственный суве-

ренитет», «самостоятельность и независимость государственной власти», «российская государственность», что в корне отличает данное исследование от иных научных разработок теории национальной безопасности и помогает понять дух исследуемого явления.

Важно, что именно защита человеческих ценностей в современном мире может и должна стать приоритетом уголовно-правовой политики [8, с. 320]. Представляется, что обеспечение права человека является основой и гарантом национальной безопасности, ее ядром. Создание на государственном уровне условий, при которых возможно нарушение прав человека, априори исключает защищенность нации в качестве результата.

При этом убедительными представляются выводы о том, что в рамках теории национальной безопасности в настоящее время развивается новая теория — криминологической безопасности, направленная на разработку защиты от криминальных угроз [9]. Не секрет, что именно правонарушаемость в широком смысле представляет наибольшую угрозу для наиболее ценных общественных отношений и ставит серьезные задачи на пути обеспечения национальной безопасности.

Совершенно справедливо отмечает Ю.О. Карпышева, что новизна теории национальной безопасности приводит к отсутствию единых, всеми признаваемых подходов к определению понятий и категорий, используемых при ее изучении [10], поэтому так важна роль законодателя в разрешении данной проблемы.

Официальный подход законодателя к вопросам безопасности проявился при разработке и принятии разных нормативно-правовых актов в указанной сфере. К их числу можно отнести федеральные законы «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ¹ и «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ², а также Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, утвержденную указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400³ (далее — Стратегия 2021 г.), ко-

торая отменила аналогичный документ, утвержденный указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 (далее — Стратегия 2015 г.).

Появление данных нормативно-правовых актов свидетельствует о становлении общей теории национальной безопасности в России, а их содержание указывает на определенное государственное видение в плоскости построения соответствующего понятийного аппарата и раскрывает основные характеристики явлений, связанных со сферой национальной безопасности. Вместе с тем следует упомянуть, что после внесения поправок в федеральный закон «О безопасности» № 390-ФЗ в результате произведенной законодателем «оптимизации» основополагающих терминов и определений из него оказались исключены основополагающие статьи «Безопасность», «Безопасность и ее объекты», «Субъекты обеспечения безопасности», что вызвало бурную дискуссию в научной среде. А.Н. Калюжный представил анализ данных поправок и констатировал фрагментарность нормативных формулировок, их декларативность, противоречивость [11]. Более того, отсутствие ясной законодательной дефиниции понятия «безопасность» впоследствии привело к его отождествлению с понятием «национальная безопасность», что недопустимо [12]. Закон должен создавать необходимые и действенные правовые рамки, в которых личность, общество и государство смогут чувствовать себя защищенными от угроз различного уровня благодаря эффективному функционированию системы обеспечения национальной безопасности. Исключение из содержания закона № 390-ФЗ основополагающего понятийного аппарата создает правовое терминологическое пространство, в рамках которого правовое поле отношений, регламентирующих область национальной безопасности, будет определено некорректно, а сфера применения указанного закона будет объективно размыта [13].

Безусловно, что такие понятия, как «безопасность», «национальная безопасность», «государственная безопасность», «общественная безопасность», «криминологическая безопасность», должны иметь всестороннее нормативное определение, поскольку являются фундаментальными для данной сферы.

Существующие подходы к определению понятий «безопасность», «национальная безопасность» и анализу их содержания подробно описал А.В. Степанов, отметив, что в их рамках

¹ О безопасности : федер. закон от 28 дек. 2010 г. № 390-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

² О стратегическом планировании в Российской Федерации : федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Там же. 2014. № 26, ч. 1. Ст. 3378.

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Там же. 2021. № 27, ч. 2. Ст. 5351.

данные понятия трактуются как состояние защищенности страны, при котором обеспечиваются развитие личности, общества, государства, защита национальных интересов от внутренних и внешних вызовов и угроз [14]. К вызовам и угрозам, согласно Стратегии 2015 г., относится совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам России.

Более того, в упомянутом документе нашло отражение понятие «национальная безопасность», которое существенно расширило свое значение, отмечены и видовые характеристики национальной безопасности, однако ее содержательно-смысловое наполнение не представлено.

В научных трудах А.В. Шободоевой, В.Г. Вишнякова указывалось, что следует разграничивать понятия «национальная безопасность» и «государственная безопасность», поскольку их отождествление неприемлемо [15]. Именно в Стратегии 2015 г. было четко определено, что государственная безопасность — важнейший вид национальной безопасности. В условиях мировой глобализации приоритетным для России является укрепление государственной безопасности как необходимое условие обеспечения безопасности общества и личности. Государственная безопасность охватывает все ключевые сферы деятельности, именно на государственном уровне определяются ее стратегические цели и интересы, пронизывающие всю систему безопасности как внутри, так и за пределами государства, придавая ей единство и общую целенаправленность [16].

В Стратегии 2021 г. представлены цели и задачи, задействованные в реализации взятого курса государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу. Стратегия является базовым документом стратегического планирования, впервые определившим национальные интересы и национальные приоритеты России. Следует отметить, что в Стратегии 2021 г. значительно расширено понятие «национальная безопасность», в ней говорится «о состоянии защищенности национальных интересов Российской Федерации от внутренних и внешних угроз», в отличие от Стратегии 2015 г., в которой речь шла о «состоянии защищенности личности, общества, государства». В Стратегию 2021 г. добавлено упоминание об обеспечении «гражданского мира и согласия в стране». Более того, в качестве

значимого приоритета в ней определено «сбережение народа России и развитие человеческого потенциала», сделан акцент на усиление роли государства как гаранта безопасности личности, повышение эффективности деятельности правоохранительных органов и специальных служб по защите конституционного строя РФ, прав и свобод граждан, а также эффективности системы профилактики преступлений.

Сравнительный научный анализ Стратегии 2015 г. и Стратегии 2021 г., проведенный М.П. Комаровым и В.В. Матвеевым, позволил сделать вывод, что Стратегия 2021 г. является в целом новым, серьезным шагом на пути обеспечения национальной безопасности, но вместе с тем она не лишена недостатков. В ней по-прежнему сохраняются противоречия в соотношении национальных интересов и стратегических приоритетов, поскольку сначала определяются национальные интересы, а затем на их основе формулируются стратегические национальные приоритеты. Отметим, что в документе в неизменном виде сохранилось только два стратегических приоритета (оборона страны, обеспечение государственной и общественной безопасности), остальные приоритеты, содержащиеся в предыдущем документе — Стратегии 2015 г., претерпели серьезное редактирование либо вовсе были исключены. Таким образом, «возникают сложности определения перечня национальных приоритетов под каждый сформулированный национальный интерес. В представленном документе эту связь проследить затруднительно» [17].

Несмотря на указанные недостатки Стратегии 2021 г., в качестве нового национального приоритета в рамках обеспечения национальной безопасности РФ в ней отмечается обеспечение экологической безопасности и рациональное природопользование⁴, поскольку не вызывает сомнений важность охраны природы и признание необходимости решения экологических проблем в качестве первоочередных задач взаимодействия государства и гражданского общества.

Глобальное ухудшение окружающей среды, увеличение числа природных катастроф, неразумная природохозяйственная деятельность человека в настоящее время являются одной из причин массовой миграции населения. Иными

⁴ О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента РФ от 19 апр. 2017 г. № 176 // СПС «КонсультантПлюс».

словами, значительное количество граждан оказывается вынужденным покидать места своего постоянного проживания. Этот процесс свойствен как для мирового сообщества в целом, так и для России в частности. Происходящие в стране миграционные процессы демонстрируют, что она имеет удобное географическое расположение, развитая транспортно-логистическая инфраструктура способствует формированию основных направлений транзитного перемещения иностранных граждан из регионов со сложной экономической, политической, экологической обстановкой. Очевидно, что, прибыв на территорию Российской Федерации или стран Содружества, иностранные граждане в первую очередь вливаются в этнические общины, которые, по оценкам экспертов, за последние годы превратились в хорошо организованные, достаточно закрытые сообщества, объединенные с целью осуществления как законной, так и незаконной деятельности [18].

Представляется, что изучать зависимость экологической безопасности государства от масштабов нелегальной миграции можно лишь с определенной долей вероятности. В связи с этим необходимо отметить взаимосвязь экологической и миграционной безопасности как двух системообразующих компонентов криминологической безопасности, что и обуславливает исследовательский интерес, поскольку традиционно обозначенные виды безопасности рассматриваются без учета их взаимосвязи. Думается, что исследование проблемы обеспечения экологической безопасности через призму учета миграционных процессов актуализирует формирование нового научного направления.

Основные результаты исследования

К числу важных стратегических национальных приоритетов И.В. Никитенко считает необходимым отнести миграционную безопасность, которая оказывает непосредственное влияние на национальную безопасность и смогла бы занять важное место среди других системообразующих компонентов безопасности [19]. По его мнению, миграционная безопасность как системообразующий компонент национальной безопасности имеет необходимые институциональные признаки. К ним автор отнес источники опасности, в том числе потенциальные вызовы и угрозы; субъектов обеспечения конкретного вида безопасности; юридический инструментальный для правового регулирования, причем каж-

дому виду безопасности присущи определенные механизмы, формы и методы обеспечения. Очевидно, что к числу факторов, оказывающих негативное влияние на обеспечение национальных интересов государства, можно отнести угрозы, связанные с неконтролируемой и незаконной миграцией.

Профессор С.М. Иншаков констатирует, что при взаимодействии больших и малых народов существенную роль играет устойчивость национальных культурных стереотипов, зафиксированных в их сознании. Одни и те же явления, происходящие в социально-экономической жизни страны, мигрантами и коренным населением оцениваются по-разному. Между тем длительное пребывание мигрантов в стране порождает тенденцию к формированию «параллельных социальных институтов: религиозности, идеологии, традиционности, правосудия». Именно этот «параллелизм» и таит в себе угрозы и вызовы культуре, традициям, духовно-нравственным социальным ценностям коренного народа, что следует рассматривать как криминогенный фактор национальной безопасности [20]. Профессором П.А. Кабановым также отмечается, что миграционные потоки вызывают всплеск конфликтов — культурных, религиозных, социальных, поэтому вопросы исследования криминогенности миграционных процессов, происходящих в государстве, становятся важнейшей частью криминологической науки [21, с. 80]. Вместе с этим, по оценкам экспертов, глобализация влечет возникновение новых угроз, причем усиливая действие угроз, ранее существовавших. Как следствие, возрастает их общественная опасность [22, с. 176].

Более того, в Концепции общественной безопасности Российской Федерации⁵ указывается, что нелегальное пребывание мигрантов из стран со сложной политико-экономической, эпидемиологической обстановкой и осуществление ими трудовой деятельности на территории Российского государства создают социальную напряженность в местах их пребывания, оказывают негативное влияние на социально-трудовую, культурную обстановку, выступая одним из существенных детерминантов миграционной преступности. Иными словами, с одной стороны, это усиливает дисбаланс в распределении населения по территории страны, с другой — соз-

⁵ Концепция общественной безопасности Российской Федерации : утв. указом Президента РФ от 14 нояб. 2013 г. № Пр-2685 // СПС «КонсультантПлюс».

дает условия для формирования террористических организаций, этнических организованных групп, а также совершения преступлений.

Таким образом, понимание угрозы, которую несет миграционная преступность, и постановка проблемы обеспечения криминологической безопасности от ее преступного воздействия активно обсуждаются в научной среде, в том числе с точки зрения правоприменительной практики. Так, по данным экспертов, в 2021 г. на территории России нелегальных мигрантов насчитывалось в пределах 2,5 млн, а по оценке Ю. Крупнова, эти данные варьируются в пределах 10–12 млн чел. В основном это граждане государств — участников СНГ (с учетом граждан Украины и Туркменистана)⁶.

Сведения о преступности иностранных граждан на территории Российской Федерации представлены в табл. 1.

А.Л. Репецкая указывает на масштабность нерегистрируемого трудоустройства мигрантов. Это связано с экономической политикой в стране, а также с административно-бюрократическими барьерами, с которыми сталкиваются иностранцы при оформлении необходимых документов для осуществления легальной трудовой деятельности, и, как следствие, с поиском ими «серых схем» трудоустройства вне право-

вого поля. Незаконные рынки труда существуют практически во всех областных центрах Сибири и Дальнего Востока [23]. Незаконная торговля людьми, рабский труд перестали быть маргинальными явлениями, в связи с чем получили массовое распространение, а система противодействия криминальной эксплуатации мигрантов, и так далекая от совершенства, разъедена коррупцией [24; 25]. Нелегальная миграция превратилась в одну из наиболее коррумпированных сфер в России, поскольку все инструменты миграционной политики, направленные на упорядочение миграционных процессов и контроль над ними, становятся средством получения дохода представителями контролирующих органов.

Анализ данных Управления Судебного департамента при Верховном Суде РФ свидетельствует о том, что основную долю в структуре осужденных иностранных граждан стран СНГ образуют осужденные за преступления, предусмотренные ст. 322, 327 УК РФ. Так, в 2021 г. каждый двадцатый иностранный гражданин СНГ был осужден за незаконное пересечение Государственной границы РФ, каждый пятый — за подделку, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков. Кроме этого, в структуре осужденных иностранных граждан стран СНГ наблюдается и увеличение доли осужденных за кражу (в 2021 г. на 4 % по

Таблица 1 / Table 1

Динамика состояния преступности иностранных граждан, в том числе иностранных граждан стран СНГ, в Российской Федерации в 2015–2021 гг.
Dynamics of migrant crimes, including crimes committed by the CIS citizens, in the Russian Federation in 2015–2021

Год / Year	Количество преступлений, совершенных иностранными гражданами / Crimes committed by foreign citizens			Количество преступлений, совершенных иностранными гражданами стран СНГ / Crimes committed by foreign citizens from the CIS		
	В абсолютном выражении / Absolute number	Изменение к предшествую- щему году, % / Change to the previous year, %	Удельный вес в общем объеме преступлений, % / Specific weight in the total number of crimes, %	В абсолютном выражении / Absolute number	Изменение к предшествую- щему году, % / Change to the previous year, %	Удельный вес в общем объеме преступлений, % / Specific weight in the total number of crimes, %
2015	48 210	+5,9	2,1	42 070	+6,7	1,8
2016	43 933	–8,8	2,0	38 501	–8,5	1,8
2017	41 047	–6,6	1,9	36 233	–5,9	1,8
2018	38 598	–5,9	1,9	34 323	–5,3	1,7
2019	34 917	–9,5	1,7	31 010	–9,7	1,5
2020	34 400	–1,4	1,7	30 835	–0,6	1,5
2021	36 420	+5,9	1,8	28 520	–7,5	1,4

сравнению с 2018 г.). Думается, что в период пандемии COVID-19 доминирующим мотивом совершения краж иностранными гражданами стала утрата возможности официального заработка на российском рынке труда при отсутствии возможности трудоустройства у себя на родине [26]. Удельный вес иностранных граждан, осужденных за коррупционные преступления, в целом по стране составил в среднем 3 % (прирост в 2021 г. на 18,7 % к предыдущему году) (табл. 2). Эксперты указывают, что почти половина (42 %) иностранных граждан, задержанных за незаконное нахождение на территории страны, пытались после их задержания

компетентными органами откупиться и были отпущены за взятку. Также мотивом дачи взятки служило стремление избежать ответственности за нарушение правил въезда на территорию страны, осуществление незаконной трудовой деятельности и др. В [27] отмечается, что нелегальные мигранты, совершившие преступления, задерживались на территории государства в период их незаконного пребывания несколько раз (3 и более), однако в отношении них были совершены законные действия в 23,4 % случаев, а незаконные действия — в 76,6 % случаев, т.е. нелегальных мигрантов отпускали без правовых последствий.

Таблица 2 / Table 2

**Структура осужденных иностранных граждан стран СНГ
в Российской Федерации в 2015–2021 гг.***

Structure of convicted foreign citizens from the CIS in the Russian Federation in 2015–2021

Показатель / Indicator	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Количество осужденных иностранных граждан стран СНГ, чел. / Number of convicted foreign citizens from the CIS, persons	19 284	19 395	18 222	16 777	16 196	14 551	17 559
Количество осужденных граждан иных иностранных государств, чел. / Number of convicted foreign citizens from other countries, persons	6 871	6 269	5 752	4 945	2 618	692	704
Удельный вес осужденных иностранных граждан стран СНГ, %: / Specific weight of convicted foreign citizens from the CIS, %: за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) / for intentional grave bodily harm (Art. 111 of the CC of RF)	2,9	3,0	2,9	3,0	2,9	3,0	2,8
изменение к предшествующему году, % / change to the previous year, %	–	–1,5	–9,4	–4,8	+2,5	–13,3	+5,0
за кражу (ст. 158 УК РФ) / for theft (Art. 158 of the CC of RF)	22,7	22,5	19,0	18,8	20,5	21,3	22,4
изменение к предшествующему году, % / change to the previous year, %	–	–5,5	–21,3	–8,1	+5,8	–6,3	+21,4
за организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5 УК РФ) / for organizing a terrorist organization or participation in such an organization (Art. 205.5 of the CC of RF)	0,8	0,2	0,1	0,1	0,6	0,2	0,2
изменение к предшествующему году, % / change to the previous year, %	–	+25,3	–89,4	+100,0	+88,0	–46,8	+48,0
за преступления, связанные с наркотиками и психотропными средствами (ст. 228–234.1 УК РФ) / crimes connected with drugs and psychoactive substances (Art. 228–234.1 of the CC of RF)	12,7	12,5	11,0	12,8	11,2	11,3	12,3
изменение к предшествующему году, % / change to the previous year, %	–	–2,1	–15,1	–5,5	–46,9	+2,0	+115,5
за мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ) / minor bribes (Art. 291.2 of the CC of RF)	–	–	3,4	4,5	3,8	2,9	3,0
изменение к предшествующему году, % / change to the previous year, %	–	–	–	–3,5	+8,7	–48,6	+18,7

Окончание табл. 2 / End of the table 2

Показатель / Indicator	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
за незаконное пересечение Государственной границы РФ (ст. 322 УК РФ) / illegally crossing the border of the RF (Art. 322 of the CC of RF)	1,2	7,7	7,8	6,5	7,3	6,2	4,2
изменение к предшествующему году, % / change to the previous year, %	–	+3,1	+572,0	–24,9	–8,6	–23,6	+11,1
за подделку, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков (ст. 327 УК РФ) / forgery, production or use of forged documents, state awards, stamps, seals or forms (Art. 327 of the CC of RF)	20,0	20,5	22,3	23,9	22,9	23,6	27,0
изменение к предшествующему году, % / change to the previous year, %	–	+0,29	+9,90	–1,80	–22,40	+8,03	+39,60
за прочие преступления / for other crimes	39,7	33,5	33,5	30,4	30,8	31,5	29,1

* Составлена по: Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2015–2021 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru>.

В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы⁷ определены основные направления государственной миграционной политики России: обеспечение национальной безопасности Российской Федерации, увеличение численности постоянного населения в государстве, содействие обеспечению потребности российской экономики в рабочей силе, модернизации, инновационном развитии и повышении конкурентоспособности ее отраслей в условиях сокращения численности национальных трудовых ресурсов. Центрами миграционной привлекательности для иностранных граждан становятся экономически развитые регионы европейской части России, приграничные территории Сибири и Дальнего Востока. Полагаем, что одной из ключевых задач Концепции государственной миграционной политики России является повышение миграционной привлекательности для иностранных мигрантов других регионов страны с целью разрешения демографического кризиса, его смягчения, для более равномерного территориального распределения населения с использованием миграционных ресурсов. В упомянутом документе особое внимание уделяется легализации прибывающих на территорию страны иностранных трудовых мигрантов, а также созданию условий для их адаптации и интеграции, следствием чего должно стать сни-

жение уровня криминогенности в их среде. Таким образом, по мнению экспертов, разработка Концепции является в целом новым, серьезным шагом в области миграционной политики, сочетающей в себе четкую программу реализации и возможность ее постоянного обновления в современных условиях, выражающейся в доминировании национальных интересов. Но вместе с тем некоторые положения документа заслуживают обсуждения. В юридической литературе отмечается, что сфера социальной и культурной адаптации мигрантов не обеспечена правовыми актами, что, во-первых, дезориентирует субъектов реализации миграционной политики, а во-вторых, их совместная деятельность имеет несогласованный, хаотичный, ситуативный характер [28]. Интенсификация процессов адаптации и интеграции мигрантов не приводит к снижению конфликтности в обществе [29].

Между тем положения Концепции не означают политику «открытых дверей» для иностранных трудовых мигрантов. В документе предусмотрены механизмы, позволяющие упорядочить миграционные процессы посредством оптимизации ответственности за нарушение миграционного законодательства, а также усовершенствованы меры противодействия нелегальной миграции [30]. Более того, сочетание действенного контроля над миграционными процессами с обеспечением «гражданского мира и согласия в стране» приведет к снижению рисков и угроз национальной безопасности Российской Федерации.

Закономерно составной частью национальной безопасности признается экологическая

⁷ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы : указ Президента РФ от 31 окт. 2018 г. № 622 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 45. Ст. 6917.

безопасность⁸. При этом важно, что в Стратегии национальной безопасности 2021 г. природа объявлена национальным достоянием Российской Федерации.

В настоящее время уже не вызывает сомнений важность охраны природы и необходимость решения экологических проблем в качестве первостепенных задач государства. Имеет принципиальное значение, что осознание данной истины происходит на международном уровне и не зависит от политических целей — это вопросы выживания человечества. Однако вопрос, как правильно организовать обеспечение экологической безопасности, не имеет однозначного ответа и вызывает жаркие дискуссии [31; 32].

В последние шесть лет наблюдается стойкая тенденция к уменьшению количества выявленных и раскрытых экологических преступлений на территории России, за исключением 2020 г., в котором отмечается положительная динамика рассматриваемых показателей (табл. 3). С учетом уровня латентности экологической преступности реальность представляется несколько иначе, чем это вытекает из официальных данных, а значит, достоверность формирующейся картины имеет условный характер, что позволяет решать лишь ограниченный круг задач.

Структурные показатели экологической преступности не меняются уже на протяжении длительного времени, и анализируемый пери-

од в этом смысле не является исключением. Только 5 из 18 статей гл. 26 УК РФ применяются на практике. Подавляющая же часть норм указанной главы уголовного закона фактически находится в нерабочем состоянии, выполняя лишь декларативные функции (табл. 4).

К сожалению, столь ограниченные сведения из официальных источников не позволяют судить об истинном состоянии экологической безопасности в России. Использование криминологических методов направлено на компенсацию обозначенной недостоверности, но эти исследования носят условный характер и дискуссионны в плане надежности и точности выводов. Поэтому в настоящее время сложилась ситуация, когда ученые вынуждены основываться на данных официальной статистики при характеристике экологической преступности, признавая их несовершенство, дополнять собственными вариациями и методиками, получая в результате разные выводы. Таким образом, даже первая научная функция — описание экологической преступности не может быть выполнена достоверно, обоснованно и общепринятым способом, она носит субъективный характер, будучи зависимой от позиции исследователя.

Необходимо отметить взаимосвязь экологической и миграционной безопасности как двух системообразующих компонентов обеспечения национальной безопасности. Проблема в том, что традиционно обозначенные виды безопасности рассматриваются отдельно, без учета их взаимосвязи. Считаем, что исследование проблемы обеспечения экологической безопасности через призму учета миграционных про-

Таблица 3 / Table 3
Динамика состояния экологической преступности в Российской Федерации в 2015–2021 гг.*

Dynamics of environmental crimes in the Russian Federation in 2015–2021

Показатель / Indicator	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Зарегистрировано экологических преступлений / Registered environmental crimes	24 856	23 688	24 379	23 899	22 230	22 676	20 289
Изменение к предшествующему году, % / Change to the previous year, %	–3,1	–4,7	2,9	–2,0	–7,0	2,0	–10,5
Удельный вес в общем объеме преступлений, % / Specific weight in the total number of crimes, %	1,0	1,0	1,1	1,2	1,0	1,1	1,0
Количество экологических преступлений / Number of environmental crimes	13 055	11 910	12 013	11 931	10 837	10 918	10 432
Изменение к предшествующему году, % / Change to the previous year, %	–3,0	–8,8	0,9	–0,7	–9,2	0,7	–4,5
Удельный вес в общем объеме преступлений, % / Specific weight in the total number of crimes, %	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0

* Составлена по: Состояние преступности в России за январь — декабрь 2015–2021 гг. // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics>.

Таблица 4 / Table 4

Структура экологической преступности в Российской Федерации в 2015–2021 гг.*
Structure of environmental crimes in the Russian Federation in 2015–2021

Показатель / Indicator	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Количество осужденных за совершение экологических преступлений, чел. / Convicted for environmental crimes, persons	8 960	8 654	7 829	7 347	6 189	5 299	5 943
Изменение к предшествующему году, % / Change to the previous year, %	–5,5	–3,4	–9,5	–6,2	–15,8	–14,4	12,2
В том числе: / Including:							
за незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ) / illegal extraction (fishing) of water bioresources (Art. 265 of the CC of the RF)	3 348	3 238	2 785	2 551	2 237	2 228	2 403
изменение к предшествующему году, % / change to the previous year, %	–15,0	–3,3	–14,0	–8,4	–12,3	–0,4	7,9
за незаконную охоту (ст. 258 УК РФ) / illegal hunting (Art. 258 of the CC of the RF)	301	526	398	341	338	255	313
изменение к предшествующему году, % / change to the previous year, %	–30,3	74,6	–24,3	–14,3	–0,9	–24,6	22,7
за незаконные добычу и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации (ст. 258.1 УК РФ) / illegal hunting and trade in especially precious wild animals and water bioresources belonging to species in the Red Book of the RF and (or) protected by international agreements of the RF (Art. 258.1 of the CC of the RF)	381	369	368	353	243	240	366
изменение к предшествующему году, % / change to the previous year, %	96,4	–3,1	–0,3	–4,0	–31,2	–1,2	52,5
за незаконную рубку лесных насаждений (ст. 260 УК РФ) / illegal logging (Art. 260 of the CC of the RF)	4 691	4 461	4 222	4 030	3 295	2 494	2 792
изменение к предшествующему году, % / change to the previous year, %	–2,8	–4,9	–5,4	–4,5	–18,2	–24,3	11,9
за уничтожение или повреждение лесных насаждений (ст. 261 УК РФ) / destruction or damage to forests (Art. 261 of the CC of the RF)	49	39	27	33	38	32	28
изменение к предшествующему году, % / change to the previous year, %	–3,9	–20,4	–30,8	22,2	15,1	–15,8	–12,5
за прочие преступления, предусмотренные гл. 26 УК РФ / other crimes under Ch. 26 of the CC of the RF	190	21	29	39	38	80	41
изменение к предшествующему году, % / change to the previous year, %	442,9	–88,9	38,0	34,4	–2,6	110,5	–48,6

* Составлена по: Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2015–2021 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79>.

цессов является перспективным научным направлением. Данные официальной статистики, связанные с решением этой проблемы, крайне скудны. Однако даже имеющиеся сведения привлекают внимание и заставляют задуматься о масштабе данной проблемы в реальном ее воплощении при учете латентности экологической преступности. Так, за семь последних лет 462 иностранных лица привлечено в России к уголовной ответственности за совершение экологических преступлений, что составило 0,9 % от

общего числа осужденных за указанные преступления. Из них 273 преступника являются гражданами государств СНГ, что составляет 0,5 % от общего числа осужденных за экологические преступления в указанный период. Цепные показатели динамики преступности иностранных граждан в сфере экологии отражены в табл. 5.

Можно с уверенностью констатировать, что приведенные данные не отражают всю глубину данной проблемы, но свидетельствуют о ее наличии, что уже немаловажно на этапе постанов-

Таблица 5 / Table 5

Динамика состояния преступности иностранных граждан, в том числе иностранных граждан стран СНГ, в сфере экологии в Российской Федерации в 2015–2021 гг.***Dynamics of crimes committed by foreign citizens, including foreign citizens from the CIS in the environmental sphere in the Russian Federation in 2015–2021**

Показатель / Indicator	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Количество осужденных иностранных граждан государств СНГ, чел. / Convicted foreign citizens from the CIS, persons	79	45	34	30	32	32	21
Изменение к предшествующему году, % / Change to the previous year, %	–52,9	43,0	–24,4	11,7	6,6	0	–34,3
Количество осужденных граждан иных иностранных государств, чел. / Convicted foreign citizens from other countries, persons	35	24	25	36	39	20	10
Изменение к предшествующему году, % / Change to the previous year, %	66,6	–31,4	4,1	44,0	8,3	–48,7	–50,0

* Составлена по: Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2015–2021 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79>.

ки проблемы и приглашения к научной дискуссии. Общеизвестно, что одна из особенностей экологической преступности заключается в ее высокой латентности, поэтому столь низкие показатели участия иностранных лиц в совершении экологических преступлений ожидаемы и вписываются в общую модель. Экологическая преступность в определенной части выполняет международный запрос на компенсацию природных компонентов незаконным способом, и в этом аспекте ее изучение требует корреляции как минимум с миграционной преступностью.

Представляется, что только научные подходы к исследованию данных феноменов могут открыть завесу тайны и предложить более совершенный информационный материал. С учетом транснационального характера экологической преступности в совокупности с ее латентностью и коррумпированностью данной сферы становится очевидной роль иностранных граждан в совершении экологических преступлений даже при скудности и неполноте официальных показателей. При этом именно в интересах, при помощи и при непосредственном участии иностранных лиц совершается значимая часть экологических преступлений, что требует пристального внимания и тщательного изучения.

Выводы

Глобальные изменения качества природной среды приводят к значимым переменам в соци-

альных институтах и влекут негативные тенденции в общественной жизни. Так, формируется и активно заявляет о себе приобретающее самостоятельное значение явление экологической миграции. В контексте разработки эффективных мер обеспечения криминологической безопасности актуальным представляется переход от стандартных научных подходов, строящихся на изучении самостоятельных направлений уголовной политики, к установлению взаимосвязи между ними и их группировке в зависимости от общности причинного комплекса. В настоящее время, с одной стороны, установлена зависимость экологической преступности от преступности иностранных граждан. С другой стороны, именно нарушение права на благоприятную окружающую среду является в определенном смысле катализатором для нарастания миграционных процессов. Таким образом, взаимозависимость указанных феноменов актуализирует задачу их изучения в единстве. Обеспечение экологической безопасности через призму учета миграционных процессов позволяет выйти на иной уровень стратегической разработки превентивных мер противодействия преступности. Представляется, что такой вариант исследования (мы не умаляем ценности их самостоятельного изучения) позволит открыть новые грани в обеспечении безопасности и формировании качественно нового подхода к генерации уголовной политики в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шободоева А.В. Стратегия национальной безопасности РФ и ее вклад в развитие понятийного аппарата общей теории национальной безопасности РФ / А.В. Шободоева. — DOI 10.17150/2411-6262.2016.7(1).17. — EDN VLIBNF // Baikal Research Journal. — 2016. — Т. 7, № 1. — URL: <http://brj-bgup.ru>.

2. Бабаев М.М. Проблемы российской уголовной политики / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин. — Москва : Проспект, 2018. — 296 с.
3. Сидорова Е.З. Уголовная политика в сфере образования / Е.З. Сидорова, С.С. Босхолов. — DOI 10.17150/1819-0928.2021.22(3).253-259. — EDN ONHFDI // Академический юридический журнал. — 2021. — Т. 22, № 3. — С. 253–259.
4. Criminal victimization and health: Examining the relation in nine countries of the former Soviet Union / A. Stickley, A. Koyanagi, B. Roberts [et al.]. — DOI 10.1016/j.socscimed.2013.05.004 // Social Science and Medicine. — 2013. — Vol. 91. — P. 76–83.
5. Humphreys K. Federal policy on criminal offenders who have substance use disorders: how can we maximize public health and public safety? / K. Humphreys. — DOI 10.1080/08897077.2011.616805 // Substance Abuse. — 2012. — Vol. 33, № 1. — P. 5–8.
6. Бабаев М.М. Уголовная политика и криминологическая безопасность / М.М. Бабаев. — EDN KAULDZ // Научный портал МВД России. — 2008. — № 3. — С. 53–58.
7. Босхолов С.С. Основы теории национальной безопасности России : учеб. пособие / С.С. Босхолов. — Иркутск : Иркут. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019. — Ч. 1. — 220 с.
8. Рогова Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Е.В. Рогова. — Москва, 2014. — 596 с.
9. Босхолов С.С. Криминологическая безопасность как идейная основа теории и практики противодействия преступности / С.С. Босхолов. — DOI 10.17150/2411-6262.2021.12(3).30. — EDN WEA0IS // Baikal Research Journal. — 2021. — Т. 12, № 3. — URL: [http://brj-bguer.ru/ISSN 2411-62622021](http://brj-bguer.ru/ISSN%202411-62622021).
10. Карпышева Ю.О. К вопросу о соотношении понятий «система национальной безопасности» и «система обеспечения национальной безопасности» / Ю.О. Карпышева. — EDN XWCCBV // Байкальский вестник ДААД. — 2018. — № 1. — С. 30–34.
11. Калужный А.Н. Федеральный закон «О безопасности»: итоги реализации и перспективы развития / А.Н. Калужный. — EDN RWFEQF // Военно-юридический журнал. — 2014. — № 3. — С. 7–9.
12. Недосекова Е.С. К вопросу об объектах безопасности / Е.С. Недосекова. — EDN QAANBF // Административное и муниципальное право. — 2011. — № 9. — С. 48–51.
13. Белокрылова Е.А. Комментарий к федеральному закону от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (постатейный) / Е.А. Белокрылова, Е.М. Кологерманская, Е.А. Бевзюк. — URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm>.
14. Степанов А.В. Национальная безопасность, миграционная безопасность, миграционный правопорядок: теоретико-правовой анализ / А.В. Степанов. — Пермь : Изд-во Перм. ин-та ФСИН, 2015. — 306 с. — EDN WZHFLJ.
15. Шободоева А.В. Теория национальной безопасности / А.В. Шободоева. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2017. — 208 с.
16. Вишняков В.Г. О методологических основах правового регулирования проблем безопасности Российской Федерации / В.Г. Вишнякова. — EDN OPCUJJ // Журнал российского права. — 2005. — № 9. — С. 27–39.
17. Комаров М.П. Теоретический анализ основных положений Стратегий национальной безопасности Российской Федерации 2015 и 2021 года / М.П. Комаров, В.В. Матвеев. — DOI 10.37468/2307-1400-2021-3-5-24. — EDN PNHQJO // Национальная безопасность и стратегическое планирование. — 2021. — № 3 (35). — С. 5–24.
18. Довгополов Е.Ю. Незаконная миграция как вид транснациональной преступной деятельности: к вопросу о криминологической характеристике / Е.Ю. Довгополов, В.В. Звягинцев. — EDN KNXHHJ // Миграционное право. — 2009. — № 2. — С. 38–42.
19. Никитенко И.В. Институциональные признаки миграционной безопасности как нормативно-правовой категории и перспективного предмета криминологического исследования / И.В. Никитенко. — EDN PUMYOJ // Российский следователь. — 2012. — № 21. — С. 23–25.
20. Иншаков С.М. Стратегемы миграционной безопасности / С.М. Иншаков. — EDN VBICOS // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2018. — № 2 (49). — С. 24–27.
21. Шестаков Д.А. Летопись Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. Год 2018 / Д.А. Шестаков, С.У. Дикаев, А.П. Данилов. — EDN XHNBWA // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2019. — № 1 (52). — С. 71–97.
22. Кортунов С.В. Безопасность в глобальном мире: эволюция российской политики : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.04 / С.В. Кортунов. — Москва, 2005. — 519 с.
23. Репецкая А.Л. Миграция и региональная преступность: характеристика и проблемы борьбы (по материалам одного криминологического исследования) / А.Л. Репецкая. — EDN IJTWXN // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2007. — № 1–2. — С. 48–53.
24. Соболевников В.В. Основные тенденции миграционной преступности и особенности ее проявления в Сибирском федеральном округе / В.В. Соболевников. — EDN GXPRVK // Известия Томского политехнического университета. — 2005. — Т. 308, № 6. — С. 206–210.
25. Hauber L. Trafficking and prostitution: The growing exploitation of migrant women from central and eastern Europe / L. Hauber. — Geneva : International organization of migration, 1998. — 82 p.
26. Комаровский В.В. Динамика безвизовой трудовой миграции в период пандемии 2019–2021 гг. / В.В. Комаровский. — DOI 10.34022/2658-3712-2022-46-1-90-102. — EDN UFRVFR // Социально-трудовые исследования. — 2022. — № 1. — С. 90–102.
27. Антонов-Романовский Г.В. Преступность мигрантов-иностранцев в Российской Федерации: современные тенденции / Г.В. Антонов-Романовский, П.П. Сальников, Д.К. Чирков. — EDN PSIQCM // Юридическая наука: история и современность. — 2019. — № 3. — С. 128–138.
28. Леденева В.Ю. Совершенствование миграционного законодательства в сфере адаптации и интеграции мигрантов / В.Ю. Ледяева. — DOI 10.28995/2658-7041-2019-3-10-21. — EDN DYDJCF // Вопросы этнополитики. — 2019. — № 3. — С. 10–21.

29. Сажина В.А. Эволюция миграционной политики России в отражении правовых источников политико-идеологического характера / В.А. Сажина, З.Р. Высоцкая. — DOI 10.24411/2070-1381-2019-10085. — EDN IPNUCE // Государственное управление. Электронный вестник. — 2020. — № 81. — С. 196–214.

30. Марченко Е.И. Некоторые вопросы развития миграционного законодательства Российской Федерации в связи с принятием «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» / Е.И. Марченко, Р.А. Пестов, В.А. Соколов. — EDN QWXOWC // Юрист-правовед. — 2019. — № 4 (91). — С. 169–174.

31. Floyd R. Environmental Security and the case against rethinking criminology as «security-ology» / R. Floyd. — DOI 10.1177/1748895815584720 // *Criminology & Criminal Justice*. — 2015. — Vol. 15, № 3. — P. 277–282.

32. Carson J.V. Counterterrorism and Radical Eco-Groups: A Context for Exploring the Series Hazard Model / J.V. Carson. — DOI 10.1007/s10940-013-9211-4 // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2014. — Vol. 30, iss. 3. — P. 485–504.

REFERENCES

1. Shobodoyeva A.V. Strategy of RF National Security and its Contribution to Developing Conceptual Framework of General Theory RF National Security. *Baikal Research Journal*, 2016, vol. 7, no. 1. (In Russian). EDN: VLBNF. DOI: 10.17150/2411-6262.2016.7(1).17.

2. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. *Issues of Russian Criminal Policy*. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 296 p.

3. Sidorova E.Z., Boskholov S.S. Criminal Policy in the Field of Education. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2021, vol. 22, no. 3, pp. 253–259. (In Russian).

4. Stickley A., Koyanagi A., Roberts B., Rotman D., McKee M. Criminal Victimization and Health: Examining the Relation in Nine Countries of the Former Soviet Union. *Social Science and Medicine*, 2013, vol. 91, pp. 76–83. DOI: 10.1016/j.socscimed.2013.05.004.

5. Humphreys K. Federal Policy on Criminal Offenders Who Have Substance Use Disorders: How Can We Maximize Public Health and Public Safety? *Substance Abuse*, 2012, vol. 33, no. 1, pp. 5–8. DOI: 10.1080/08897077.2011.616805.

6. Babaev M.M. Criminal Policy and Criminological Security. *Nauchnyi portal MVD Rossii = Scientific Portal of the Russian Ministry of the Interior*, 2008, no. 3, pp. 53–58. (In Russian). EDN: KAULDZ.

7. Boskholov S.S. *Basics of the Theory of National Security of Russia*. Irkutsk, 2019. Pt. 1. 220 p.

8. Rogova E.V. *A theory of the differentiation of criminal liability*. Doct. Diss. Moscow, 2014. 596 p.

9. Boskholov S.S. Criminological Security as the Ideological Basis of the Theory and Practice of Counteracting Crime. *Baikal Research Journal*, 2021, vol. 12, no. 3. (In Russian). EDN: WEAQIS. DOI: 10.17150/2411-6262.2021.12(3).30.

10. Karpysheva Yu.O. To the Question of the Ratio of the Concepts «System of National Security» and «System of Ensuring National security». *Baikal'skii vestnik DAAD = Baikal Letter DAAD*, 2018, no. 1, pp. 30–34. (In Russian). EDN: XWCCBV.

11. Kalyuzhnyi A.N. Federal Law «On Security»: Results of Implementation and Development Perspectives. *Voennoyuridicheskii zhurnal = Military Juridical Journal*, 2014, no. 3, pp. 7–9. (In Russian). EDN: RWFEQF.

12. Nedosekova E.S. To the question of the objects of security. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo = Administrative and Municipal Law*, 2011, no. 9, pp. 48–51. (In Russian). EDN: QAABHF.

13. Belokrylova E.A., Kologermanskaya E.M., Bevzyuk E.A. Commentary to Federal Law 390-FZ of December 28, 2010 «On Security» (article-by-article). Available at: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm>.

14. Stepanov A.V. *National security, migration security, migration law and order: a theoretical legal analysis*. Perm Institute of the Federal Penitentiary Service Publ., 2015. 306 p. EDN: WZHFLJ.

15. Shobodoeva A.V. *The Theory of National Security*. Irkutsk, Baikal State University Publ., 2017. 208 p.

16. Vishnyakov V.G. On the methodological grounds for the legislative regulation of the questions of security of the Russian Federation. *Zhurnal rossiiskogo prava = Russian Law Journal*, 2005, no. 9, pp. 27–39. (In Russian). EDN: OPCUJJ.

17. Komarov M.P., Matveev V.V. Theoretical analysis of the Main Provisions of the National Security Strategies of the Russian Federation in 2015 and 2021. *Natsional'naya bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie = National Security and Strategic Planning*, 2021, no. 3, pp. 5–24. (In Russian). EDN: PHXQJO. DOI: 10.37468/2307-1400-2021-3-5-24.

18. Dovgoplov E.Yu., Zvyagintsev V.V. Illegal migration as a type of transnational criminal activities: to the question of criminological description. *Migratsionnoe pravo = Migration Law*, 2009, no. 2, pp. 38–42. (In Russian). EDN: KNXHHJ.

19. Nikitenko I.V. Institutional Signs of Migratory Safety as Standard and Legal Category and Perspective Subject of Criminological Research. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2012, no. 21, pp. 23–25. (In Russian). EDN: PUMYOJ.

20. Inshakov S.M. Strategies of Migration Security. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2018, no. 2, pp. 24–27. (In Russian). EDN: VBICOS.

21. Shestakov D.A., Dikaev S.U., Danilov A.P. The Chronicle of the St.-Petersburg International Criminology Club. Theyear 2018. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2019, no. 1, pp. 71–97. (In Russian). EDN: XIHBWA.

22. Kortunov S.V. *Security in the global world: evolution of Russian politics*. Doct. Diss. Moscow, 2005. 519 p.

23. Repetskaya A.L. Migration and Regional Criminality: Characteristics and Issues of Fighting it (Using the Materials of a Criminological Study). *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2007, no. 1–2, pp. 48–53. (In Russian). EDN: IJTWXN.

24. Sobolnikov V.V. Key trends of migrant crime and its specifics in the Siberian Federal District. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta = Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2005, vol. 308, no. 6, pp. 206–210. (In Russian). EDN: GXPRVK.

25. Hauber L. *Trafficking and Prostitution: The Growing Exploitation of Migrant Women from Central and Eastern Europe*. Geneva, International Organization of Migration, 1998. 82 p.

26. Komarovskiy V.V. Dynamics of Visa-free Labor Migration during the Pandemic in 2019–2021. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya = Social & Labor Research*, 2022, no. 1, pp. 90–102. (In Russian). EDN: UFRVFR. DOI: 10.34022/2658-3712-2022-46-1-90-102.

27. Antonov-Romanovsky G.V., Sal'nikov P.P., Chirkov D.K. Crime of Foreign Migrants in the Russian Federation: Current Trends. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal science: History and the Present*, 2019, no. 3, pp. 128–138. (In Russian). EDN: PSIQCM.

28. Ledeneva V.Yu. Improvement of Migration Legislation in the Sphere of Adaptation and Integration of Migrants. *Voprosy etnopolitiki = Issues of Ethnopolitics*, 2019, no. 3, pp. 10–21. (In Russian). EDN: DYDJCF. DOI: 10.28995/2658-7041-2019-3-10-21.

29. Sazhina V.A., Vysotskaya Z.R. Russian Migration Policy Evolution Reflected in Legal Sources of Political and Ideological Nature. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik = Public Administration. E-Journal*, 2020, no. 81, pp. 196–214. (In Russian). EDN: IPNUCE. DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10085.

30. Marchenko E.I., Pestov R.A., Sokolov V.A. Some Issues of the Development of the Migration Legislation of the Russian Federation Concerning the Adoption of the «Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025». *Yurist-Pravoved = Lawyer-Legal Scholar*, 2019, no. 4, pp. 169–174. (In Russian). EDN: QWXOWC.

31. Floyd R. Environmental Security and the case against rethinking criminology as «security-ology». *Criminology & Criminal Justice*, 2015, vol. 15, no. 3, pp. 277–282. DOI: 10.1177/1748895815584720.

32. Carson J.V. Counterterrorism and Radical Eco-Groups: A Context for Exploring the Series Hazard Model. *Journal of Quantitative Criminology*, 2014, vol. 30, iss. 3, pp. 485–504. DOI:10.1007/s10940-013-9211-4.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кравченко Ирина Олеговна — доцент кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: iokravchenko16@mail.ru.

Корягина Светлана Анатольевна — доцент кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: koryagina.sveta@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кравченко И.О. Уголовная политика в сфере обеспечения миграционной и экологической безопасности: постановка проблемы / И.О. Кравченко, С.А. Корягина. — DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(5).566-579. — EDN VLOOVX // Всероссийский криминологический журнал. — 2022. — Т. 16, № 5. — С. 566–579.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kravchenko, Irina O. — Ass. Professor, Chair of Criminal Law and Criminology, Baikal State University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: ioKravchenko16@mail.ru.

Koryagina, Svetlana A. — Ass. Professor, Chair of Criminal Law and Criminology, Baikal State University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: koryagina.sveta@yandex.ru.

FOR CITATION

Kravchenko I.O., Koryagina S.A. Criminal Policy in the Sphere of Ensuring Migration and Environmental Security: Formulation of the Problem. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2022, vol. 16, no. 5, pp. 566–579. (In Russian). EDN: VLOOVX. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(5).566-579.